

Приходится констатировать, что к войне 1808–1809 гг. вполне применимо выражение, изначально имевшее отношение к Зимней войне 1939–1940 гг. – «неизвестная война». Среди немногочисленных современных попыток историографического анализа рассматриваемой темы примечательны статьи Н.И. Приходько и А.Е. Фишер³. Модель, предложенная первым автором, даст основания заметить, что очевидный элемент гранд-нарратива *покорения Финляндии*, сформулированный еще в конце 1880-х гг. К. Ординым, прочно вписался в современные интерпретации российской истории и по-прежнему воспроизводится без каких-либо существенных изменений: «Необходимо отметить, что важнейшим итогом русско-шведской войны 1808–1809 гг. стало присоединение Финляндии и исполнение, таким образом, Петровских планов по достижению безопасности северо-западных границ России... По сравнению с великими наполеоновскими войнами XIX столетия она остается до сих пор крайне мало изученной. Хотя по результатам своим она не уступает в значимости наполеоновским войнам и справедливо занимает достойное место в ряду великих событий Российской истории»⁴.

Обращение к замыслам Петра I как к вполне исчерпывающему и самодостаточно-му объяснению мотивов войны отнюдь не ново. Именно с этого начинал К.Ф. Ордин, избрав в качестве эпиграфа для своего монументального труда «Юкорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам» известные слова графа П.А. Шувалова, который, обращаясь к Наполеону, посягая: «Финляндия была необходима России. Это была идея Петра I, который без этого не мог бы установить столицу там, где она стоит»⁵.

Предложенная Приходько периодизация историографии войны 1808–1809 гг., при всей своей самоочевидности, требует, тем не менее, комментариев. В качестве первого этапа автор определяет период «до Ордина», когда преобладала либо мемуарная, либо сугубо военно-историческая литература. Лишь появление монографии Ордина, по логике Приходько, ознаменовало новый этап – начало научного описания войны в контексте политической и дипломатической истории. Однако в этой констатации отсутствует ответ на естественно возникающий вопрос: почему «до Ордина» принято было писать либо о *русско-шведской*, либо о *финляндской* войне, но ни одному из авторов, включая непосредственных участников боевых действий, не пришло в голову говорить о *покорении Финляндии*.

Пионером в деле знакомства российского читателя с событиями войны и шире – с Финляндией можно считать кн. П. Гагарина, непосредственного участника событий. Его работа «Тринадцать дней или Финляндия»⁶, безусловно, увлекательна и информативна, однако не является научным исследованием.

Первым наиболее полным и профессиональным описанием войны стал военно-исторический очерк генерала П.К. фон Сухтелена⁷. Жанр военной истории не требовал от авторов углубления в причины войны или серьезного внимания к международным отношениям в Европе в начале XIX в. Работа Сухтелена – это взгляд очевидца, боевого офицера, концентрирующего внимание читателя на крупных победах русской армии, на особенностях ведения успешной войны в сложных погодных и природных условиях, на профессионализме генералов и храбрости солдат. Сухтелен, как известно, проявил себя не только на военном, но и на дипломатическом поприще. Во время войны он командовал инженерными войсками и был советником главнокомандующего русскими войсками в Финляндии генерала Ф.Ф. Буксгевдена, а после войны был российским посланником в Стокгольме. Поэтому ему удалось дать компетентный анализ не только основных боевых действий, но и особенностей театра войны.

«Описание Финляндской войны...» А.И. Михайловского-Данилевского⁸ до наших дней остается наиболее полной версией боевых действий, вышедшей на русском языке. Генерал-лейтенант, писатель и историк Михайловский-Данилевский участником этой войны не был, его боевой путь начался во время Отечественной войны 1812 г. Тем не менее, его работа – первое крупное профессиональное описание Финляндской войны, выполненное в рамках проекта по разработке истории наполеоновских войн. Михай-

Россия и страны Северной Европы

© 2009 г. И.Р. ТАКАЛА, И.М. СОЛОМЕЩ*

«НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА»?

ДВА ВЕКА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1808–1809 годов¹

Истории многовековых отношений России и Швеции и многочисленных русско-шведских войн в отечественной историографии посвящено немало работ. Однако последняя русско-шведская война 1808–1809 гг. по-прежнему остается слабо изученной. События, происходившие в то время на Севере, для российских историков являются лишь небольшой и не самой важной частью наполеоновских войн, потрясавших Европу полтора десятилетия, перекроивших карту континента и изменивших судьбы многих стран и народов. Отечественная война 1812 г. заслонила собой и очень быстро заставила забыть «финляндскую кампанию». Интерес к борьбе России с наполеоновской Францией не угасает до сих пор: об этом написаны сотни томов, несколько лет существует Интернет-проект «1812 год», сделавший доступными для всех заинтересованных пользователей многие уникальные источники и исследования². С геополитической и геостратегической точки зрения финляндское (строго говоря, *шведское*) направление внешней политики России в эпоху наполеоновских войн можно охарактеризовать как, безусловно, значимое, но все же флаговое.

* Такала Ирина Рейвна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета.

Соломещ Илья Мотелевич, кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета, руководитель лаборатории по проблемам Скандинавских стран и Финляндии.

ловский-Данилевский оперирует значительной источниковой базой, главным образом, документами официального происхождения. Новаторский характер книги прежде всего проявился в том, что в ней была предпринята первая серьезная попытка контекстуализировать войну, вписать ее в общую ткань Наполеоновской эпохи. Известно, что автор работал по прямому поручению Александра I описать войну «для памяти потомков, ... во всех подробностях как в отношении военном, так и в дипломатическом»⁹. У читателя может сложиться впечатление, что Михайловский-Данилевский как бы оправдывается за Александра I. Намечая самые общие контуры дипломатической предстории войны, он дает понять, что император едва ли не был вынужден вступить в войну и, соответственно, присоединить Финляндию, так как этого требовали интересы безопасности России на Балтике. В конце 1860-х гг. эта линия получила подкрепление в трудах К.К. Злобина¹⁰. Историк дипломатии, он считал одной из главных причин войны негибкую политику шведского короля Густава IV Адольфа.

Таким образом, к середине XIX в. уже была зафиксирована историографическая картина собственно боевых действий. Наметились и контуры политической истории войны. Что же должно было произойти, чтобы появилась известная концепция К.Ф. Ордина, в основе которой – идея приоритетности положений Фридрихсгенского мира по отношению к Боргоскому сейму? Совершенно очевидно, что труд Ордина, который сегодня назвали бы «заказным», – ответ на вызовы новой эпохи. Эпохи, когда появилась единая Германия, окончательно сформировалась традиция российского имперского патернализма по отношению к окраинам и, с другой стороны, стала идеологической и политической реальностью финская национальная идея. Монументальный труд Ордина знаменовал собой в большей степени политический водораздел, чем историографический. Безусловно, его стараниями существенно расширилась источниковая база. Но не менее существенно и то, что он априори рассматривает события 1808–1809 гг. сквозь призму так называемого финляндского вопроса последней трети XIX в. Финляндия – «покоренная страна», военный трофей русского оружия. Отсюда следует: рассуждения некоторых финляндцев о якобы существующей финляндской государственности не только политически неуместны, но и логически несостоятельны.

Концепция Ордина в целом определила характер освещения войны в трудах М.М. Бородкина. Это наиболее наглядно на примере соответствующего раздела его «Истории Финляндии»¹¹. Отметим, что Бородкин все же называет эту часть своего труда «Борьба за Финляндию», акцентируя внимание на политико-дипломатической составляющей процесса освоения нового имперского пространства. Книга П. фон Гериха также всецело выстроена в духе положений, сформулированных Ординым¹². С некоторыми оговорками можно утверждать, что концепция Ордина надежно легла в основу описания войны 1808–1809 гг. и в трансформированном виде была перенесена в советскую историографию.

Столетний юбилей войны вызвал заметную вспышку интереса к ее истории. На фоне научно-популярных работ познавательного характера обращают на себя внимание военно-исторический очерк П.А. Ниве¹³ и критическая, с элементами историографического анализа статья А.Г. Борисевича¹⁴. Кроме того, в этот же период под руководством полковника А.М. Алексева на русский язык была переведена так называемая официальная шведская история войны¹⁵. Очевидно, тогдашний читатель должен был обратить внимание на полярность российских и шведских оценок при рассмотрении виновности сторон в развязывании войны. Мы же отметим другое. Именно в это время среди российских военных вновь всерьез стали говорить о потенциальной опасности шведского реванша. С другой стороны, политика имперского центра, проводимая по отношению к Великому княжеству Финляндскому, уже обрела черты того, что в финляндской традиции именуется «вторым периодом угнетения».

Традиция создания исторических сочинений о войнах России не историками, а профессиональными военными была продолжена и в советское время. Первой работой о войне 1808–1809 гг., появившейся в СССР, была книга полковника Г.Захарова «Русско-шведская война 1808–1809 гг.»¹⁶. Вышедшая в свет сразу после Зимней войны, она бы-

ла адресована командному составу Красной армии. По сути книга представляла собой краткий конспект вышеупомянутого исследования полковника П.А. Ниве с одноименным названием. Главной целью работы был анализ основных военных операций и оперативно-тактические выводы. Подобного рода работы появлялись и позже – в 1970–1980-е гг.¹⁷ Все они опирались на материалы и выводы дореволюционных авторов, все констатировали серьезные изменения в стратегии и тактике и ценный опыт боевых действий в зимних условиях¹⁸. Войну называли «подготовительной школой» для будущих боев с Наполеоном¹⁹.

Но вернемся к книге Захарова. Если оперативно-тактические выводы полковника Красной армии не слишком отличаются от того, о чем писали дореволюционные, а затем и советские авторы, то политические вполне соответствовали духу времени. Война, по мнению автора, для обеих сторон была захватнической, выгодной только «купцам и помещикам». Она показала, как главные капиталистические страны (в данном случае Англия и Франция) «искусственно разжигают противоречия между другими странами и открывают новые очаги войны, заставляя другие народы проливать кровь за свои интересы»²⁰. Поражение Швеции «освободило финский народ от ига шведских помещиков и капиталистов и отдало его под не менее тяжелый гнет русского царизма»²¹. Интересно, что в 1985 г. работа Захарова была переведена на финский язык и издана отделением военной истории Военно-научного института Финляндии (ныне Академия национальной обороны Финляндии)²².

Тезис о том, что «русский царизм подвергал Финляндию тяжелому национальному угнетению» на протяжении всего периода автономии, доминировал и в советских учебниках по истории СССР вплоть до 1960-х гг. Впервые скорректировать его попытался петрозаводский историк И.И. Кяйвярайнен. В своей статье 1957 гг.²³ он выступил с критикой некоторых положений вузовского учебника по истории СССР под редакцией академика М.В. Нечкиной²⁴, в котором не ставился вопрос о прогрессивном значении присоединения Финляндии к России. Ошибка авторов учебника, по его мнению, состояла в том, что они механически распространили высказывания В.И. Ленина о русско-финских отношениях после февральского манифеста 1899 г. на весь XIX в. Сравнивая положение Финляндии с другими окраинами России, Кяйвярайнен писал, что «Финляндия оказалась, в силу особых обстоятельств, в наиболее выгодном положении. Помимо беспешинного общения с русским рынком, она имела привилегии, о которых другие нерусские народности могли только мечтать: отсутствие крепостничества, сейм, автономное во внутренних делах правительство, право употреблять все виды доходов на нужды края, свое войско, собственную денежную единицу»²⁵.

После выхода в свет монографии И.И. Кяйвярайнена «Международные отношения на Севере Европы...»²⁶ в советской историографии постепенно утверждается более взвешенная и дифференцированная оценка присоединения Финляндии к России и политики царских властей в княжестве в разные периоды автономии. Фактически Кяйвярайнен первый познакомил советских читателей с точкой зрения современных финляндских авторов на все эти проблемы. Книга, безусловно, несет отпечаток своего времени. Некоторые утверждения автора, например, его отрицание выступлений финского населения против русских войск и партизанской борьбы, не выдерживают критики. Тем не менее, данная монография была и остается до наших дней единственным исследованием, специально посвященным международным и политическим аспектам борьбы за Финляндию в начале XIX в., войне 1808–1809 гг. и ее последствиям, в основе которого лежали широкие архивные изыскания и где учитывались новейшие достижения финляндской и шведской историографии.

Традиции работы в архивах и хорошее знание исследований зарубежных историков сохранились в отечественной историографии до конца советского времени. Поэтому в 1970–1980-е гг. точки зрения советских, финляндских и шведских историков на события начала XIX в., несмотря на идеологические барьеры, значительно сближаются, о чем свидетельствуют работы В.А. Корнилова, А.С. Кана, В.В. Рогинского и некоторых других²⁷. Основные направления советских исследований того времени – это изу-

чение в целом ситуации на Севере Европы в начале XIX в., анализ особенностей российско-шведских взаимоотношений в 1808–1812 гг., причины войны 1808–1809 гг. и ее последствия для Финляндии и России. В энциклопедических статьях и учебниках также утверждается вполне взвешенный взгляд на результаты войны и финляндскую автономию²⁸.

Тем большим диссонансом в середине 1970-х гг. прозвучало мнение на этот счет известного скандинависта В.В. Похлебкина. Мы не будем подробно останавливаться на полемике, развернувшейся вокруг его книги «СССР – Финляндия. 260 лет отношений»²⁹, в которой оценка событий 1808–1809 гг. оказалась весьма созвучной концепции российской правомонархической публицистики начала XX в. Эта полемика представляет вполне самостоятельный научный интерес. Напомним лишь, что сначала книга вышла в Финляндии³⁰ и вызвала бурную реакцию у финских читателей, прежде всего историков. Русское издание достаточно резко критиковали советские нордисты В.М. Холодковский, А.С. Кан³¹, Р.Н. Дусаев³². Основные возражения оппонентов вызвал тезис Похлебкина о том, что Финляндия оказалась соединенной с Россией и получила особый статус не в итоге войны, не как военная добыча России, а как прямой результат соглашения между русскими и финнами (не завоевание, а добровольная уния). Еще более острая реакция, прежде всего в Финляндии, последовала на оценку Похлебкиным финляндской политики царских властей на рубеже XIX–XX вв., которая, по его мнению, была жизненно важной и неизбежной, поскольку мероприятия по унификации и централизации диктовались всем ходом экономического развития Российской империи и требованиями обеспечения внешней безопасности страны. Впрочем, собственно война 1808–1809 гг. Похлебкина тогда не интересовала. Он вернулся к ней лишь в конце жизни в своем справочнике «Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах»³³, где на нескольких страницах дал вполне традиционное перечисление основных событий войны и краткий пересказ главных документов.

На протяжении 1960–1980-х гг. в СССР был опубликован обширный комплекс документов по Финляндской войне³⁴. К сожалению, современные российские исследователи, обращающиеся к данной теме, практически не используют эти ценные публикации. Вообще вряд ли можно говорить о современных российских исследованиях войны 1808–1809 гг. Специальных работ по этой теме нет, исключение составляют лишь исследования В.В. Рогинского, посвященные международным отношениям на Севере Европы в период наполеоновских войн³⁵. Появившиеся в последнее время статьи петербургских ученых по некоторым аспектам Финляндской войны³⁶ пока демонстрируют лишь слабое знакомство с источниками и зарубежными исследованиями событий 1808–1809 гг.

В общих трудах, даже таких фундаментальных, как многотомная «История Европы», или специальных, как работа А.С. Кана о российско-шведских отношениях в течение двенадцати столетий, авторы посвящают этой войне и присоединению Финляндии к России, как правило, всего лишь несколько предложений³⁷. Интересно, что даже в специальном выпуске журнала «Родина», посвященном взаимоотношениям России и Швеции, о последней в истории русско-шведской войне сказано одна фраза³⁸, тогда как другие события нашей многовековой совместной истории – эпоха викингов, Невская битва, Полтава, войны 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. и др. – освещены весьма подробно. То же можно сказать и об учебниках, как школьных, так и вузовских. В некоторых из них эти события вообще не упоминаются³⁹.

В результате одним из главных источников сведений о событиях 1808–1809 гг. на северо-западных границах Российской империи и об истории взаимоотношений России и Финляндии в целом для современных россиян является научно-популярная литература, заполнившая книжные прилавки страны. Далеко не всегда эта литература так уж безобидна, как это представляется историкам-специалистам, не желающим тратить время на рецензирование и подробный разбор массовых изданий. Достаточно вспомнить творчество «военного историка» А.Б. Широкограда, издавшего за последние 10 лет огромными тиражами более сорока объемных книг по самым различным проблемам – от

энциклопедии отечественной артиллерии до весьма своеобразных трактовок тысячелетней истории дипломатии и войн России, в том числе и российско-финляндских отношений⁴⁰. В этом же ряду можно упомянуть историко-приключенческую прозу А.Г. Шкварова, одна из последних книг которого, повествующая о действиях русской кавалерии на территории Финляндии в русско-шведской войне, носит весьма симптоматичное название, напрямую адресующее читателя к концепции К. Ордина: «Лед. Гранит. Подковы: Покорение Финляндии»⁴¹.

200-летний юбилей Финляндской войны и присоединения Финляндии к России – хороший повод для того, чтобы обсудить возможность создания современного комплексного исследования о событиях 1808–1809 гг. с участием историков России, Финляндии и Швеции. По крайней мере, в Финляндии и Швеции юбилей последней русско-шведской войны и связанные с этим глобальные изменения в судьбах шведского и финского народов отмечается на государственном уровне⁴². И если с военно-исторической точки зрения, война, действительно, «теряется» в общей картине Наполеоновской эпохи, то ее историко-политический контекст по-прежнему явно недооценивается.

Примечания

¹ В основу статьи положены доклады, сделанные авторами на российско-финляндском симпозиуме «1808–1809. Европейская война на Севере», организованном Институтом российской истории РАН в июне 2007 г.

² См.: <http://www.1812.ru/>

³ Приходько Н.И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808–1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы ежегодной науч. конф. 25–26 апреля 2001 г. СПб., 2002. С. 117–124; Фишер А.Е. К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808–1809 годов на примере российской историографии XIX–XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы VII ежегодной науч. конф. 13–14 апреля 2005 г. СПб., 2006. С. 254–264.

⁴ Приходько Н.И. Указ. соч. С. 117.

⁵ Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. В 2 т. Т. 1. СПб., 1889.

⁶ Gagarin P. Les treize journées ou la Finlande. 1809. В том же году появились пространные выдержки из этого сочинения в русском переводе: Нечто о Финляндии в 1809 г. (Замствовано из сочинения «Тринадцать дней или Финляндия» кн. Гагарина) // Русский вестник, 1809, № 8. Об особенностях и значении труда Гагарина см.: Соловецк К.М. От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004. С. 146.

⁷ Сухтелен П.К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 годах. Пер. с франц. СПб., 1832. (Оригинальное издание на франц. яз. вышло в Санкт-Петербурге в 1827 г.)

⁸ Михайловский-Данилевский А.М. Описание Финляндской войны: на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

⁹ Там же. С. 2.

¹⁰ См., напр.: Злобин К.К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России // Сборник Русского исторического общества. Вып. 2. 1868. С. 1–95.

¹¹ Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.

¹² Герих П. Завоевание Финляндии. История русско-шведской войны 1808–1809 гг. Т. 1–2. СПб., 1904–1905.

¹³ Ниве П.А. Русско-шведская война 1808–09 гг. СПб., 1910.

¹⁴ Борисевич А.Т. Заметки по поводу последних исследований о русско-шведской войне 1808–1809 гг. // Военный сборник. 1909. № 2–6. 8–10.

¹⁵ Шведская война 1808–1809 гг. / Сост. Военно-историческим отделом Шведского генерального штаба. Пер. с шведск. Под общей ред. А.М. Алексеева. В 3 т. СПб., 1906–1910.

¹⁶ Захаров Г. Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.

¹⁷ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974; Хелме Р. О роли русско-шведской войны 1808–1809 гг. в развитии русского военного искусства // Скандинавский сборник. Вып. XXVIII. Таллин, 1983. С. 47–67.

¹⁸ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 89; Захаров Г. Указ. соч. С. 83–85.

¹⁹ Хелме Р. Указ. соч. С. 67.

²⁰ Захаров Г. Указ. соч. С. 6.

²¹ Там же. С. 80.

²² Zaharov G.F. Venäjän ja Ruotsin välinen sota vuosina 1808–1809. Helsinki, 1985.

- ²³ Кийвярайнен И.И. К вопросу об оценке присоединения Финляндии к России в 1809 году // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. 6. Вып. 1. Петрозаводск, 1957. С. 67–73.
- ²⁴ См.: История СССР. Т. II. Россия в XIX в. / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1954. С. 61.
- ²⁵ Кийвярайнен И.И. Указ. соч. С. 72.
- ²⁶ Кийвярайнен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965.
- ²⁷ См.: Корнилов В.А. К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки Московского гос. пединститута. Т. 439. М., 1971; История Швеции. М., 1974; Рогинский В.В. Россия и Скандинавские государства в 1801–1815 гг. // Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин, 1976. С. 227–235; *его же*. Швеция и Россия. Союз 1812 г. М., 1978; Слусин Л.С. К вопросу о характере внешней политики Швеции 1800 – весны 1808 годов // Скандинавский сборник. Вып. XXIII. Таллин, 1978. С. 81–96.
- ²⁸ См. напр.: Суни Л.В. Финляндия в составе России // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 164–170; Новейшая история. 1918–1939 гг. / Под ред. И.С. Галкина и др. М., 1974. С. 479.
- ²⁹ Похлебкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975.
- ³⁰ Pohlebkkin V.V. Suomi vihollisena ja ustävänä 1714–1967. Porvoo; Helsinki, 1969.
- ³¹ Кан А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России (О русском издании книги В.В. Похлебкина) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 104–131.
- ³² Дусаев Р.Н. Ред. на кн.: В.В. Похлебкин. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975 // Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллин, 1977. С. 257–263.
- ³³ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. Вып. 2. Кн. I: Войны и мирные договоры. М., 1995.
- ³⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел / Под ред. А.Л. Нарочницкого. Серия I в 8 т. М., 1960–1972; Россия и Швеция: Документы и материалы 1809–1818 гг. М., 1985.
- ³⁵ См.: Рогинский В.В. Северная Европа и Россия на заключительном этапе наполеоновских войн // Северная Европа: Проблемы истории. Вып. 3. М., 1999. С. 112–126.
- ³⁶ Приходько Н.И. Указ. соч.; Фишер А.Е. Указ. соч.; *его же*. Политика Наполеона и русско-шведская война 1808–1809 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Мат-лы ежегодной междунар. научн. конф. СПб., 2007. С. 110–122.
- ³⁷ История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. М., 2000. С. 129; Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 157–160; Шефов Н. Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002.
- ³⁸ Рогинский В. Маленький серебряный меч // Родина. 1997. № 10: Россия и Швеция: 12 столетий. С. 99.
- ³⁹ См.: напр.: Павленко Н.И., Лищенко Л.М., Твардовская В.А. История России XVIII–XIX вв. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 1997; История России IX–XX вв.: Учебник для вузов / Под ред. Г.А. Аммона и Н.П. Ионичева, М., 2002.
- ⁴⁰ См., напр.: Широкопад А.Б. Северные войны России. М., 2001; *его же*. Три войны «Великой Финляндии». М., 2006; *его же*. Финляндия – Россия: три неизвестные войны. М., 2006.
- ⁴¹ Шваров А.Г. Лед. Гранит. Подковы: Покорение Финляндии. СПб., 2006.
- ⁴² См., напр., сайты, созданные под эгидой правительств Финляндии и Швеции: <http://1809.fi> и <http://www.markesaret1809.se/>